

УДК 821

А. И. ЗАВАДСКАЯ

**ОБРАЗ ОСТРОВА В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ «ПЯТНИЦА,
ИЛИ ТИХООКЕАНСКИЙ ЛИМБ»**

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

(Поступила в редакцию 04.03.2014)

Еще со времен античной литературы образ острова трактовался аллегорически как символ райского блаженного обиталища, намек на загробную жизнь. Таким образом рассматривался остров Дильмун в шумерских мифах, Элизиум в древнегреческих преданиях (например, Плутарх упоминает остров Огигия в трактате «О видимом лике луны» и жизнеописании Сертория), остров Буян в русской народной традиции, Авалон в сказаниях бриттов, в ирландских сагах – Острова блаженных (кельтская мифология), остров Сид и остров Радости. Во всех этих текстах острова населены людьми (очень часто женщинами), принимающими усталых путников в свои сказочные жилища.

В литературе Нового времени остров ассоциируется чаще всего с утопией, местом, которого нет в реальности (литературный вымысел), но где царят справедливость, мир и законопорядок, где также описаны идеальные с точки зрения автора социальные отношения (Т. Мор «Остров утопия», Ф. Бэкон «Новая Атлантида»). Образ острова появлялся также и в антиутопии, как, например, у Дж. Свифта «Путешествие Гулливера», А. Франса «Остров пингвинов», Г. Уэллса «Остров доктора Моро», У. Голдинга «Повелитель мух».

У Шекспира в драме «Буря» остров Просперо, подверженный влиянию волшебных сил, – это счастливое место «обретения», где вначале узлы судеб были запутаны и неопределенны, а впоследствии благополучно распутались: жених обретает невесту, невеста – жениха, отец – сына, сын – отца, хозяин острова – свой титул, утраченное положение и брата, виновные обретают если не заслуженное наказание, то, по крайней мере, укору совести и стыда. Мера, гармония и порядок торжествуют. Неслучайно распутать все узлы означает на данном острове не потерять рассудок:

...О, ликуйте!
Пишите золотыми письменами
На нерушимых каменных скрижалях
О том, как в этом плаванье счастливым
Дочь короля нашла себе супруга,
Сын короля нашел себе жену
Там, где мы все сочли его погибшим,
А Просперо нашел свои владенья
На острове пустынном. Мы же все
Нашли себя, когда уже боялись
Утратить свой рассудок» [5, с. 127–128].

Найти себя означает либо слияние, либо расторжение узлов двух судеб: или воссоединение со своей половинкой (Фердинанд и Миранда), или встреча отца с сыном (Фердинанд и Алонзо), или «стычка» двух братьев, по вине одного из которых другой очутился на острове (Просперо и Антонио), или «освобождение» жителей острова от присутствия неудачников-зложелателей (Калибан, Стефано и Тринкуло уходят убирать пещеру острова в качестве наказания).

Поэтому для шекспировских персонажей найти того, с кем непосредственно связана твоя судьба, означает обрести рассудок, восстановить целостность утраченного при трагических обстоятельствах (кораблекрушение, изгнание) разума. Просперо, хоть и пользующийся волшебством, воспринимает развязку всей драмы в виде символических образов утра и воскресения, которые способны прогнать тьму и мрак неопределенности, безумия и скорби:

Как утро, незаметно приближаясь,
Мрак ночи постепенно растопляет,
Так воскресает мертвое сознание,
Туман безумья отгоняя прочь [5, с. 119].

Символическое значение для драмы Шекспира имеет эпилог. Усталый Просперо, отказавшись от волшебства, признается в своей слабости и греховности, просит у зрителей поддержки, а также (что немаловажно!) молит решить его дальнейшую судьбу («На этом острове унылом меня оставить и проклясть или взять в Неаполь – ваша власть»). Может быть, остров становится таким тягостным местом пребывания для главного героя в силу того, что ему грозит тотальное одиночество (не считая Калибана, нить судьбы которого ему не надо распутывать и соединять с чьей-либо другой).

Однако почему именно зрители вынуждены решать, где оставить Просперо? Ведь раньше он готовился отказаться от действия своих чар и высказывал решимость утопить книги на дне морской пучины [5, с. 119]. Если океан в некотором роде может восприниматься в виде символа творчества (иррациональность, буйство и хаос воображения), а утопленные книги – в виде его своеобразных «островков», то можно прийти к выводу, что деятельность Просперо на острове – это творчество, направленное на созидание разрушенных судеб, а сам остров может быть назван островом творчества и созидания.

Морские волны же символизируют забвение, утрату памяти. Как только будут распутаны все узлы, остров погрузится в забвение при условии, что на нем никого не останется, но даже если на острове останется Просперо, то у него не будет уже власти над силами природы и книг, он также будет медленно погружаться в небытие. И, возможно, как только рассудок способен будет разгадать тайны драматургии Шекспира, основанной на сочетании стихийности и разума, он и его творения канут для современных читателей в Лету.

У М. Турнье единственная книга на острове – это Библия, которая в финале романа практически исчезает, за исключением нескольких сохранившихся фрагментов. Библия – это Книга Книг (выражение И. Гёте), проект каждой судьбы и все судьбы в одном проекте, это последний приговор человечеству, это единственное учение о человеке, способное восприниматься на всех уровнях: буквальном, духовном, абстрактном и логическом.

Возможно тот факт, что книги Просперо погружаются во мрак морской пучины, – факт драматичный, но единичный, но то, что в романе у М. Турнье на острове исчезает Библия, а сознанием Робинзона овладевает туман безумия и деградации, – это в высшей степени трагично для всего современного общества. Очевидно, эту мысль, сам того не подозревая, пытался донести до читателей автор романа. Утрата Библии весьма символична: обрывается последняя связь между Высшим Разумом и человеком как микрокосмом рассудка и интеллекта. Главный же герой французского писателя погружается в пучину своего помутненного мышления.

Образ океана у Шекспира символизирует разум, рассудочное, взвешенное и упорядоченное существование, поэтому когда в «Буре» запутанные судьбы вновь обретают свое начальное положение, драматург сравнивает данный процесс с заполнением русла потоком, течением рассудка:

Сознание возвращается к безумцам,
И полноводный разума поток
Вновь затопляет илистое русло... [5, с. 120].

Если вода у английского драматурга тождественна гармонии, разумному сознанию, то можно предположить, что остров как кусочек суши посреди океана, напротив, символизирует хаос и беспорядочность мышления, ведь в обиталище Просперо царят запутанность и «лабиринты» узнавания, хотя в традиционных трактовках произведений мифологического характера вода указывает на женское, иррациональное, так называемое «темное» начало.

Подобная интерпретация образа острова уместна и для характеристики Сперанцы, места пребывания Робинзона в романе М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб».

Если остров Просперо – это место созидания, творчества и реализованной любви (реальные Фердинанд и Миранда обретают друг друга, справедливость торжествует, зло наказано), то остров М. Турнье – это мир хаоса, извращений и дезорганизации, на нем нет людей, именно поэтому сознание Робинзона дает сбой. Ведь истинная суть человека раскрывается только в одиночестве (остров, кстати, также предстает символом одиночества и обособленности личности в литературе).

Первоначально главный герой называет свое местопребывание островом Скорби, но, убедившись, что «отчаяние движет человеком, побуждая его к действиям» [3, с. 19], переименовывает его в Сперанцу (от итальянского слова «speranza» – «надежда», созвучного французскому «esperance»). Подобно дантовской фразе из «Божественной комедии», начертанной над воротами ада («Оставь надежду всяк сюда входящий»), мысль М. Турнье порой созвучна ироническому восприятию его персонажа, ведь Робинзон с тех пор, как дает название своему жилищу, утрачивает всякую надежду на возвращение домой.

Остров Сперанца позже Робинзон назовет своей женой, хотя еще раньше он признается в том, что ему придется сочетаться с Одиночеством: «Он бросит мечтать о несбыточном и заключит брак с неумолимой супругой – Одиночеством» [3, с. 47].

Тот факт, что на острове нет людей, превращает жилище Робинзона в ловушку, в клетку, где тот остается запертым вместе со своим сознанием, которое начинает трансформироваться. Окружающие люди – это точка опоры для любого человека, понимает Робинзон, но осознает лишь тогда, когда лишается этой опоры, вследствие этого его мысли начинают «расшатываться», и реальность уже будет интерпретироваться в ином, модифицированном ключе, заключенном во власти собственного «эго».

Наибольшим изменениям подвергается механизм желания главного героя, поскольку объектом его сексуального устремления становится, за неимением другого объекта, сам остров. То, что происходит с Робинзоном, сам персонаж называет последним шагом в его расчеловечивании: «Когда волны выбросили меня на здешние берега, я еще строго придерживался всех канонов человеческого общества. Механизм, препятствовавший естественному половому влечению к земле и направлявший меня к женскому лону, действовал вполне исправно. Мне нужна была женщина – или ничто. Но мало-помалу одиночество вернуло меня к первозданной простоте. Влечение лишилось своего объекта – и механизм дал сбой. В той розовой ложбине желание мое впервые обратилось к своей естественной стихии – земле» [3, с. 147].

Остров в романе М. Турнье – это антипод шекспировского острова, где царят гармония и рассудок: здесь узлы разума «запутываются», смысл вещей и явлений, по заявлению Робинзона, убивается, в его сознании происходят деградация, подмена христианских ценностей языческими, поскольку только в политеистических верованиях земля уподобляется образу женщины-супруги, ведь основное качество, делающее их тождественными, – это плодородие.

От скорби к надежде, от надежды – к безысходному одиночеству и мраку мышления (главный герой признается, что когда сияние огней людей – других маяков – погасло, он погрузился в окончательную тьму) – таков «путь» ассоциаций острова в понимании персонажа. В конечном итоге отшельник уподобляет Сперанцу самому себе, его остров – это потемки и бездна его собственной души, миражи и галлюцинации его подсознания, «эго», другого Я: «... Я – это Сперанца. И отныне существует это порхающее, как птица, я, которое воплощается то в человеке, то в острове, делает из меня одно или другое» [3, с. 98]. Однако Робинзон понимает, что именно он сам «одушевляет» остров своим присутствием. «Чем же был он, если не душою Сперанцы?» – задается вопросом автор [3, с. 117].

Остров Скорби (первоначальное название, данное главным героем своему вынужденному жилищу) по-французски в тексте звучит как l'île de la Désolation, второе значение слова «désolation» – «опустошенность», «опустошение», «разорение». И, действительно, само размышление об острове по капле лишает Робинзона разума, превращая его сознание в своего рода «черную дыру», герой начинает «опустошать» себя мыслями, имеющими явно деградирующий характер, в которых остров превращается в живую материю, одушевленное лицо, способное вести диалог с его обитателем. Постепенно его мышление входит в новую плоскость поклонения стихиям природы и культу Солнца.

Интересно отметить, что ответы Сперанцы в диалоге с персонажем романа составляют обстоятельства и происшествия его жизни, а значит, остров превращается в образ судьбы и, шире,

рока, Провидения: «Именно с нею, за отсутствием другого собеседника, вел он долгий, неспешный и вдумчивый диалог, в котором все его жесты, действия и начинания являли собою вопросы; остров же отвечал ему на них счастьем или неудачами, тем самым одобряя или порицая» [3, с. 63]. Данная фраза созвучна знаменитой строчке из стихотворения И. Бродского «Иския в октябре»: «...остров как вариант судьбы» [2]. Впрочем, русский поэт подразумевал непосредственно не саму судьбу, воплотившуюся в образе острова, как у М. Турнье, а путь человека, для которого изоляция и обособленность стали очередной вехой жизни.

И если судьба, руководящая всеми обстоятельствами, принимает обличье острова, природы, водных и земных стихий, составляющих жизненное пространство Робинзона, то у этого «демиурга», высшего разума и Провидения, по замыслу М. Турнье, женское «лицо». И неслучайно в произведениях Шекспира судьба также предстает в образе женщины, чаще всего продажной (драматург использует разные коннотативные пласты лексики для обозначения коварности судьбы: «блудница» (*strumpet*), «потаскушка» (*giglot*) и др.). Мотив неверности, характерный для Шекспира, также обнаруживается в романе М. Турнье, когда Робинзон застаёт Пятницу за самоудовлетворением с землей, которое когда-то «сочетало» его и Сперанцу.

Остров, изображенный М. Турнье, в отличие от шекспировского острова Просперо, воплощает в себе женскую стихию, яркую, переменчивую, иррациональную, доходящую до глубин подсознания. Подобная параллель является архетипическим звеном в системе образов. Неслучайно непременным атрибутом островов в ирландских сагах, куда попадали мореплаватели, было наличие сказочных женщин, готовых утешить измученного путника. У Гомера в «Одиссее» также присутствует фрагмент, когда главный герой попадает на остров нимфы Калипсо, заботящейся о нем и старающейся удержать подольше в своем обиталище с помощью чар. В романе М. Уэльбека «Возможности острова» один из героев цитирует стихотворение, в котором отчетливо звучит мысль о том, что счастье обладания возлюбленной подобно райскому пребыванию на блаженном острове, где нет места печалям и тяготам земного существования:

...И мне, ровеснику Земли,
Единый миг любви откроет
Во времени – безбрежном море –
Возможность острова вдали [4].

Не исключено, что остров в понимании героев М. Уэльбека – это место покоя, Эдем, рай для двоих, подобно вечному дому в булгаковском романе «Мастер и Маргарита».

Библейская же ассоциативность наделяет образ женщины, чаще всего жены, специфическими чертами, тождественными саду или же потоку воды, колодезю, из которого можно утолить жажду. В любом случае, образ жены – это намек на островок любви в бескрайнем просторе, изолированное пространство блаженного пребывания и обладания сокровищем. По той же аналогии образ болота на острове, застоявшихся и мутных вод, куда погружается Робинзон, символизирует непредсказуемое женское начало, душу Сперанцы. Именно поэтому своего единственного спутника Пятницу Робинзон нарекает именем, этимология которого указывает на женское естество: *Vendredi* (в переводе с французского «День Венеры»).

В названии романа М. Турнье фигурирует слово «лимб», являющееся аллюзией на первый круг дантовского Ада, местопребывание язычников дохристианских времен, не совершивших ничего, достойного осуждения. В «лимбе» Сперанцы, месте между раем и адом, душа Робинзона трансформируется, возвращается к первоосновам, свойственным сознанию первобытных народов. В финале романа Робинзон перестает воспринимать время, для него оно смыкается с пространством острова, герой начинает подчиняться только движению солнца, обожеествляя его; в сознании Робинзона пространственно-временные рамки, в которых он обитает, оказываются тождественными мифологической картине мира, где нет начала, конца, моральных императивов, ответственности за поступки, но есть только вечный круговорот стихий.

Таким образом, полностью уйдя в «черную дыру» Сперанцы, мышление Робинзона замкнулось, при слиянии пространства с временным хронотопом его сознание стало функционировать по принципу мифологических систем. С каждым днем герой словно погружается в космическую бездну: «Робинзон чувствует, как день ото дня ширится пропасть, разделяющая те многословные

сигналы, которые человеческое общество еще временами шлет ему в виде воспоминаний или библейских текстов или пропущенного через их призму образа Сперанцы, и нечеловеческую вселенную, элементарную, абсолютную, куда он погружается, судорожно пытаясь отыскать в ее потемках истину» [3, с. 199].

Если вначале остров для Робинзона – территория, которой можно управлять и сделать пригодной для жилья (*l'île administrée*), то позже остров трансформируется в образ желанной женщины, супруги (*l'île épouse*), затем жены-матери, богини плодородия (*l'île mère*) и, наконец, в финале романа Робинзон воспринимает Сперанцу как остров Смерти (аллюзия на библейское изречение: «Горше смерти женщина»): «Смерть – вот тот самый остров, чей покой никто больше никогда не нарушит, и разве не стала она уже многие десятилетия назад той формой вечности, которая отныне сделалась единственно возможной для него?» [3, с. 277].

Сперанца превращается в ловушку для Робинзона, капкан, в котором бесповоротно трансформируется его представление о мироздании.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что если для Шекспира как писателя эпохи Возрождения местопребывание на острове символизирует разум, гармонию с миром, умение разумно распорядиться своим интеллектуальным потенциалом и фантазией, то для современного писателя-мифотворца М. Турнье изоляция на необитаемом острове символизирует освобождение от «кода» человеческих отношений и «переключение» мышления человека в плоскость мифа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) образ острова (= образ сада), неоднократно встречающийся в мировой литературе, символизирует женское начало;

2) в романе М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб» представлен образ острова Сперанцы, места, где мышление главного героя Робинзона деградирует, а его восприятие мира переходит в качественно иное измерение. Сперанца – антипод шекспировского острова Просперо, топоса, где обретают разум и торжествует рациональное восприятие действительности;

3) остров в романе М. Турнье, пройдя сложную трансформацию (Остров Скорби → Остров Надежды (*speranza, esperance*) → Остров-Территория (*administrée*) → Остров-Супруга → Остров-Мать), превращается в Остров-Чистилище, Остров-Смерть, безвозвратно трансформирующий человеческое сознание и мышление, переключая в иную пространственно-временную плоскость;

4) мышление Робинзона уподобляется замкнутой и циклической системе мифологической картины мира, поскольку пространство и время в произведении сливаются в единое целое в сознании героя, являя собой уже недискретную плоскость мифа.

Литература

1. *Tournier, M. Vendredi ou les limbes du Pacifique* / M. Tournier. – Paris : Gallimard, 1972.
2. *Бродский, И. Иския в октябре* / И. Бродский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7840>. – Дата доступа: 13.02.14.
3. *Турнье, М. Пятница, или Тихоокеанский Лимб* / М. Турнье. – СПб.: Амфора, 1999.
4. *Уэльбек, М. Возможности острова* / М. Уэльбек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modernlib.ru/>. – Дата доступа: 13.02.14.
5. *Шекспир, В. Буря. Генрих VIII. Венера и Адонис. Лукреция* / В. Шекспир. – М.: АСТ, 2003.

A. I. ZAVADSKAYA

IMAGE OF ISLAND IN THE NOVEL BY M. TOURNIER «FRIDAY, OR THE PACIFIC LIMB»

Summary

Author of the article refers to works of the famous XX century French myth-maker M. Tournier. His novel «Friday, or Pacific limb», a modern adaptation of a literary myth about Robinson Crusoe, is in the focus of studies.

Author compares the image of island in the work of this writer to Shakespeare's play «The Tempest».

Also by comparing these toposes, the author of the article reveals archetypal, symbolic and mythological nature, which makes the importance of M. Tournier's novel.

Also author of the article detects variants of M. Tournier's novel use in a variety of artistic space of different epochs.

Innovation of this contribution has been revealed through deep and ambiguous understanding of the topos «island», being interpreted in frameworks of discourse in several significant works of the world literature.